

Куприянов Live

Все началось с Куприянова. Если бы не Куприянов, может, ничего и не случилось бы. А может, и случилось. Теперь трудно сказать. Саша Куприянов был главной поп-звездой России. Помните — “Твои глаза не дают мне спать”, “Я не забуду тот вечер” и прочая хуйня. Выступал только на стадионах и в Колонном зале. Деньги, слава, всего навалом. Ешь — не хочу. Пей — не хочу. Пой — не хочу. Любимец богов.

Я до той поры не слышал ни одной его песни до конца — так, обрывки клипов. Я был занят своей жизнью и жизнью своей бывшей жены. Хоть она уже и была бывшей.

И неудивительно. Ее жизнь казалась много богаче и интереснее моей. Да и сама она была интереснее меня. По крайней мере, для меня самого. До сих пор не пойму, почему она меня выбрала. Я-то ее точно не выбирал.

Саша Куприянов был кумиром колоссальной женской аудитории с тринадцати до тридцати пяти лет. Под него продавалось все, что они хотят. И многое из того, чего не хотят, а продать нужно. Прогнал клип — впихнул тридцать секунд рекламы. Деньги в банке.

Я слышал про Куприянова от Мориса: он следит за светскими новостями, чтобы быть в тренде, а мне не нужно. Я создаю вечное — сюжеты человеческих жизней. Кто с кем, кто

против кого. Кто останется и кто уйдет. Все как в жизни. Если, конечно, в жизни так и есть.

Я — бог. Я — демиург своей малой вселенной. Как и он, я решаю, кто выйдет в следующий тур передачи. Как и он, я анонимен. Как и он, всемогущ (за исключением Мориса и бюджета, хотя кто знает, как это работает на небесах).

Я — сценарист реалити-шоу.

Я решаю, кому уходить и кому оставаться (делается вид, что это решение самих участников). Я придумываю, как повернуть действие, чтобы шоу приняло совершенно неожиданный (выдуманный мною и утвержденный Морисом) поворот. Я пишу жизни, а диалоги на площадке возникают спонтанно: доверяю участникам. О которых я знаю все.

Я часто представляю, как бог обдумывает повороты своего шоу. Как готовит вопросы участникам. Как придумывает препятствия для преодоления. Выстраивает динамику отношений. Интересно, кто его таргет-аудитория? Для чего ему все это нужно? Тоже продает рекламу? Потому что суть любого шоу — продать рекламу. Мне ли не знать? Все лучшие реалити-шоу на отечественном телерынке производит наша компания — НЬЮ РЕАЛИТИ.

Морис и я назвали ее, собственно, НЬЮ РЕАЛИТИ, но при регистрации мягкий знак затерялся, и мы получили документы с нынешним, вдохновенно-провокационным названием.

— Гениально! — зашелся от восторга Морис, когда увидел сертификат регистрации. — Ге-ни-аль-но! Нью реалити! Нью! Голая реальность.

— Голимая, — предложил я. — Голимая реальность. Отражает суть медиума.

Морис любит разговоры о сути телевидения как медиума. Разговоры называются “установочными сообщениями” и ведутся по понедельникам, после утренней летучки, когда режиссер Катя Тоцкая уходит работать и мы остаемся одни. В компании культивируются советские редакционные термины — летучка, аврал, тракт, но не из соображений ностальгии, а в ходе

объявленной Морисом борьбы за возвращение к базисным вещам. А более базисное, чем советское, трудно придумать.

— Вся эта новомодность: постмодернизм, постконструктивизм и прочая импотенция — ничего не стóит, — утверждает Морис. — Мы обслуживаем функцию медиума, с которым работаем. Мы должны строить шоу таким образом, чтобы зритель не уходил на другие каналы во время нашего эфира. Все остальное — эстетские выверты, онанизм. Мы — работники рекламы. Продавцы за прилавком. Наше дело — красиво оформить товар и выложить его для таргет-аудитории. Чтобы покупали у нас.

Нашей таргет-аудиторией являются женщины от пятнадцати до сорока пяти лет. Реалити-шоу, как и сериалы, построены на отношениях между персонажами. А кто интересуется отношениями? Не мужчины.

— Телевидение — функциональный медиум, — любит повторять Морис. — Его единственной задачей является продажа рекламы. Телевидение — это пространство для размещения рекламы. Рекламная площадка. И все. Остальные задачи — развлекательность, информационность, воспитание — вторичны по отношению к главной цели. Продал рекламу, и воспитывай. Развлекай. Информируй. А не продал — пошел на хуй, потому что ничего этого не будет.

Вот и вся суть.

Куприянов заболел. Никто из публики точно не знал, что с ним, да никто особо и не интересовался: звезды не болеют. Они пьют, поют, принимают наркотики, спят с другими звездами, разбивают дорогие машины, разбивают сердца поклонницам и поклонникам, устраивают скандалы и иногда — в порыве патриотизма — едут выступать перед российской группой войск, исполняющей интернациональный долг в какой-нибудь далекой стране. Но не болеют.

А он заболел. Причем не чем-нибудь трагическим, как рак, подо что можно устроить пару прощальных концертов

в “Лужниках”, снять несколько трагических клипов: опадающая осенняя листва или красиво летящий в свете луны снег, и Куприянов, отпев, уходит в туманную даль. Море девичьих слез — дорогое рекламное время. Каналы крутят, не переставая. Радио — ретроспектива песен Куприянова, посвященный ему концерт других звезд по Первому каналу. В общем, благородный конец. Особенно в денежном отношении.

Но Саша Куприянов болел не раком.

Вот что рассказал Морис после летучки, когда мы остались вдвоем под вечным вопросом на куске толстого ватмана, приклеенного к стене за его столом — ЭТО ВАШ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ?

— Представляешь, вчера ужинал в компании, и там был Валя Денисов. Жуткая история с этим Куприяновым.

Я кивнул, но говорить ничего не стал. А то поймет, что я не знаю, кто такой Валя Денисов.

Мориса не проведешь. Недаром до перестройки и недолгое время после он был самым громким театральным авангардным режиссером. Ему открыты человеческие души. По крайней мере, моя.

— Алан, ты же не знаешь никого. Денисов — это продюсер Куприянова. Саши Куприянова, — на всякий случай добавил Морис. — Певца.

Куприянов болел не раком. Он болел псориазом: чесался и не мог выступать. Куприянов сидел дома и чесался, а другие звезды в это время принялись делить его рекламную нишу. Забирать концерты. Время на радио. Болезнь не смертельная для жизни, но смертельная для карьеры.

— Проблема — отсутствие, — продолжал Морис. — Его никто не видит. Если ты звезда, должен постоянно быть на небе. Чтобы тебя все видели — каждый день. Каждую минуту. Свети всегда, свети везде. В общем, парню пиздец.

Звезды не сидят дома. Дома они гаснут.

Тут-то у меня вырвалось. Само, даже не подумал.

— Морис, а почему он должен отсутствовать? Ему же главное быть в эфире, в поле видимости, правильно? Если он не может прийти к публике, пусть публика придет к нему.

Морис смотрел на меня черными глазами, в которых плавало что-то золотое. Возможно, запах какао от его любимых тонких коричневых сигарилл навсегда застрял в оболочке зрачков.

— Продолжай, — кивнул Морис. Он так говорит, когда чувствует в моих идеях нечто стоящее. Зерно.

Морис откинулся на спинку коричневого кожаного кресла и взял со стола узкую длинную пачку с ароматным куревом. Отпил чай со свежей мятой.

— Пусть устроит из своей болезни реалити-шоу: звезда болеет дома. Жена, дети...

— Нет детей, — вставил Морис. — Жена есть. Продолжай, пожалуйста.

— Идея простая — превратить дефект в эффект, — объяснил я. — Куприянов сделает из своей болезни шоу: звезда болеет. Звезда — тоже человек. С каждым может случиться. А если звезда может заболеть, как каждый, то — по обратной логике — каждый может стать звездой. И ты — Клава, Люба, Вера — тоже. Причастие через участие. Прикосновение к живому божеству. Как в церкви.

Морис молчал, окутывая меня коричневатым дымом. Запах какао — туман креативности. Надо запомнить фразу, вставлю в какую-нибудь первую страницу никогда не написанного романа. Бросить бы все и засесть за литературу. Грезы, грезы.

— Ты, Моцарт, гений, — сказал, очнувшись, Морис. Он нашел на столе свой телефон и, полистав список контактов, нажал кнопку. — Денисов? Это я.

Так родилось реалити-шоу КУПРИЯНОВ LIVE. Кто бы мог подумать, чем это закончится. Знал бы — промолчал. Пусть чешется.

По классификации реалити-шоу КУПРИЯНОВ LIVE — это БОЛЬШОЙ БРАТ, но без конкуренции с другими участниками. Саша Куприянов конкурировал со своим псориазом. Борьба героя не с другими героями, а с роком, с судьбой. Это в драме герой борется с другими, а в трагедии герой борется с роком. И должен его победить с помощью зрителей. Вернее, зрительниц.

Главное, объяснили мы ему и Вале Денисову, — ничего не скрывать от камеры. Да, сыпь. Да, незвездно. Но тем лучше! Ты обнажен, открыт перед своими поклонницами, и они это оценят. Будут благодарны, что ты им доверился, допустил в свою жизнь за сценой. Сочувствие, жалость, любопытство — основные женские свойства. И мы должны их проэксплуатировать.

Снимали у Куприянова дома на Новорублевском, но, конечно, достроили кое-что. Утро — процедуры: намазался, разложил таблетки. Завтрак на кухне, жена-модель хлопочет у плиты, и каждая зрительница хочет быть на ее месте. Хочет быть ею. Хочет заботиться о Саше Куприянове, пусть и покрытом сыпью. Особенно о покрытом сыпью.

Пара старых клипов — отрывками, под настроение. После завтрака приходят композитор, поэт, музыканты, и Куприянов — в своей домашней студии — разучивает новую песню. Акт творения live. Причастие через участие.

Затем прогулка по коттеджному поселку с верной собакой (придумала Катя Тоцкая, чтобы сменить объект съемки и вывести героя на натуру). Собаки у Куприяновых не было — одолжили. Вернулся домой — фитнес, душ, процедуры. Жена с красивым разрезом накрашенных глаз. Но в тени: главный — он. И зрительницы.

Приходит доктор. Осмотр.

Еще одна находка — день с Куприяновым. Я решил перенести обязательную для реалити-шоу конкуренцию с экрана за экран. Зрительница, предложившая самый интересный ме-

год лечения, проводит день у Куприяновых, чтобы попробовать свое лечение. Намазать его чем-нибудь. Натереть. Ухаживать за больным.

— Нельзя, — сказал Морис. — Не работает. Во-первых, методов этих раз-два и обчелся. А потом что? Во-вторых, аудитория хочет видеть гладиаторские бои живьем, а не знакомиться с их результатами. — Он подумал, вздохнул: — Пусть лучше помогают ему работать над песнями.

Недаром Морис — звезда в нашей индустрии. Это стало поворотным моментом. Параллельно со съемкой у Куприяновых дома в студии начался конкурс среди участниц на лучшее исполнение. Победительницу выбирал не Куприянов. Ему нельзя — он бог. Он в стороне. Выбирали голосованием в интернете и смс (льготный тариф). Затем день работы со звездой. Слезы при расставании. Следующая избранница поднимается на Олимп.

Рейтинги были заоблачные. И когда Саша выздоровел, публика потребовала продолжать КУПРИЯНОВ LIVE. И мы продолжали. Другие звезды просили тоже что-нибудь придумать для них, но в нашем контракте с Денисовым было прописано: нельзя. Или что-то совсем не похожее. А нам хватало и Куприянова. Так бы и жили.

Но однажды в среду Морису позвонил Семен Каверин.

Я умер поздним сентябрьским вечером. Жидкие сумерки, негромкий лай окрестных собак, отступающий перед ночным холодом слабо прогретый северный русский воздух. Зябко.

У постели дежурил доктор Последин — мой отец. Он читал газету, сложив ее так, что мне невозможно было различить мелкий газетный шрифт — длинные черные полоски значков, потерявших смысл. Иногда доктор поглядывал на часы — не пора ли. Мне следовало умереть без девяти минут восемь, ныне ж минуло без четверти.

Ток-ток — каблуки за стеной. В комнату вошла мать — красиво прибранная перед выходом в гости: банкет у Розенцвейгов. Она надела мое любимое зеленое платье с низким вырезом полукругом и ярко накрасила лицо — ночной макияж. Посмотрела на меня, на отца. Он молча показал часы. Еще три минуты. Мать снова взглянула на меня, прищурив глаза, и прислушалась: дышу ли. Я дышал, хоть и с трудом. Хрип, слышимый лишь мне самому.

— Милый, тебе еще одеваться. Опоздаем к началу, там речи будут.

— Минута осталась, — успокоил ее отец. — Вот Кирюша помрет, накроем его и пойду оденусь. Мне быстро.

Мать вздохнула и подняла надо мною руки, будто хотела ускорить мою смерть. А может, и хотела. Глупость, конечно, так думать: просто положено держать руки над уходящим.

Отец отложил газету и тоже поднялся. Он снял очки (нельзя) и растопырил надо мною четырехпалые ладони.

Скосил глаза на овальный циферблат часов на запястье: пора. Кивнул.

— Снежный ком, великий гнев, лес и море, неподдельный... — начала мать.

— ...ужас, каменный ночлег, море, лес, и крест...

— ...нательный...

Остальное я не слышал, оттого что умер. Ничего. Я текст наизусть знаю... под корнями — старый дом, в облаках — чужая ярость... Сам читал, когда мама умерла в прошлом году.

...лес и море, снега ком, нежной кровью наливаясь...

.....

Это первая страница из книги, которую я пытался написать. Она же и последняя. У меня таких много. Мой компьютер забит первыми страницами. Я — мастер первых страниц. Дальше дело не идет. Дальше я сижу и смотрю на слова на экране монитора и переставляю их в поисках лучшего строя фразы, лучшего ритма абзаца, просто лучшего. И так, пока не устану от своей новой первой страницы.

Обычно у меня есть сюжет. Хоть какой-то. А здесь ничего — лишь первая страница ни о чем. Может, она о чем-нибудь? Только я пока этого не знаю.

Сюжет я могу придумать в минуту. Например — упражнение на фантазию. Где-то в срединной России живет семья Послединых — последняя семья существовавшего когда-то мира бессмертных. Они ходят в магазин, на работу, в школу, но умирают каждый год, словно сбрасывают кожу. И рождаются заново — снова сами собой. И снова, и снова. Они заперты в круговороте перерождений. А раньше могли перерождаться в других людей, захватывать их тела, их жизни, их судьбы. И, когда надоест, возвращались в свои жизни,

в себя самих, как мы возвращаемся домой из дальних поездов. Теперь — в результате чего-то, что я придумаю позже, — они утратили эту способность, потому что если они выйдут из своих перерождений, то больше не смогут жить вечно. Станут смертными. Они заперты в трех своих телах, в трех жизнях, в трех судьбах. И живут свои судьбы: одно и то же. Пока Кирюша Последин не нарушает этот закон и не влюбляется в обычную девочку Лизу...

Например. Но пока у меня только первая страница. Как и у Послединых — только одна и та же жизнь.

Что, если и наши жизни — первые страницы? Кто их пишет? Где продолжение? Каков сюжет? Или они так и остаются — первыми страницами ни о чем?